

Московское восстание 1547 года

И. И. Смирнов

В истории Русского государства XVI в. 40-е годы занимают важное и своеобразное место. Начало их — время безраздельного господства княжеско-боярской реакции. Конец же 40-х годов характеризуется активной деятельностью правительства Ивана Грозного по подготовке и проведению крупных реформ, направленных на дальнейшее развитие и укрепление аппарата власти и управления централизованного государства. Таким образом, именно в 40-х годах происходит отсечение от власти княжат и бояр, ликвидация «боярского правления». К управлению государством приходят в это время силы и социальные группировки, враждебные княжеско-боярской реакции и стремящиеся к централизации государства.

Само собой разумеется, что процесс смены у власти двух группировок происходил в напряжённой и острой политической борьбе. Борьба за власть между двумя группировками внутри господствующего класса — характерная черта политической истории 40-х годов XVI века. В ходе и исходе этой борьбы ярко выразились основные тенденции исторического развития Русского государства XVI века.

Особенностью политической борьбы 40-х годов XVI в. является сочетание открытых вооружённых столкновений с интригами, заговорами, охватывавшими весьма узкий круг участников, но, тем не менее, служившими выражением борьбы всё тех же сил и группировок. Существенным моментом политической борьбы 40-х годов было стремление её участников опереться на дворянское служилое войско, а также на ещё более широкие круги, в частности на население посадов, — на московских «чёрных людей» в первую очередь.

Население городов активно поддерживало политику строительства и укрепления Русского централизованного государства и было настроено резко враждебно к политике княжат и бояр, направленной на реставрацию порядков времён феодальной раздробленности. Такая позиция городского посадского населения нашла своё выражение в выступлениях «чёрного» посадского населения Москвы и других городов против княжеско-боярской реакции во время мятежа Андрея Старицкого (1537), во время январских событий 1542 г. в Москве, связанных с падением Бельских и митрополита Иоасафа, и, наконец, в июньском восстании московских «чёрных людей» 1547 года.

В канун июньского восстания «венчался на царство» Иван IV (16 января 1547 года). Принятием царского титула официально пресвозглашался самодержавный характер власти молодого государя и лишались почвы притязания княжат и бояр на руководящее участие в делах государства. Эта мера была осуществлена по инициативе митрополита Макария, виднейшего полити-

ка, убеждённого сторонника и идеолога самодержавной власти московских государей. Она ставила целью отсечь от власти княжат и бояр, передать её в руки той политической группировки, которая опиралась на поддержку дворянско-помещичьих кругов и посада и одним из лидеров которой являлся Макарий.

Однако «венчание на царство» Ивана IV, будучи одной из легальных форм ликвидации «боярского правления», всё же не уничтожило это правление окончательно. Оставалась неразгромленной и сохранила своё влияние одна из основных боярских группировок — родственники Ивана IV по матери, князья Глинские. Для отсечения их от власти понадобились более эффективные средства. В этих целях и было, по нашему мнению, использовано восстание московских «чёрных людей» в июне 1547 года.

1547 год ознаменовался в Москве «великими пожарами». В апреле большой пожар уничтожил много лавок и товаров: «погореше лавки во всех рядах прада Москвы со многими товарами... и гостиние дворы великаго князя и дворы людские и животы многие погореша... А у реки у Москвы в стрельнице загорешася зелье пушечное и от того разорва стрельница и размета кирпичие по берегу реки Москвы и в реку»¹. Во втором апрельском пожаре «погореша Гончары и Кожевники (ремесленные слободы в Москве. — И. С.)»². Но самый большой «великий пожар» произошёл 21 июня. Он начался на Арбате, охватил весь город и продолжался почти сутки³. Сила пожара была такова, что современники рассматривали его как небывалое бедствие. Никоновская летопись, ссылаясь на более ранние летописи, подчёркивает, что «преже убо сих времен, памятные книги времени пишут, таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться»⁴.

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XIII, стр. 453.

² Там же.

³ Пожар начался «в 10 час. дни». «А на третием часу ноши преста огненное пламя» (там же, стр. 454—455). Впрочем, в «Сокращённом Новгородском летописце», по списку Н. К. Никольского, говорится: «а горело 6 часов» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, изд. 2-е. Л. 1929, стр. 620).

⁴ Там же, стр. 455. (Пунктуация моя. — И. С.) В цитируемом издании после слова «пишут» стоит двоеточие; это придаёт дальнейшему тексту характер цитаты из «памятных книг времен», что неверно, так как оценка пожара 1547 г. принадлежит самому составителю рассказа о нём; составитель лишь ссылается на то, что летописи для более ранних времён не содержат данных о пожарах такой величины.

Никоновская летопись посвящает июньскому пожару 1547 г. специальную статью — «О великом пожаре». Статья даёт яркую картину разрушений города огнём⁵. А «Сокращённый Новгородский летописец», по списку Н. К. Никольского, сохранил и статистику сгоревших дворов в Москве: «згоре же всех дворов числом в граде и в посаде пол третьятцать тысяч (то есть 25 тыс.— И. С.) белых и черных, а церковей деревяных згоре пол третьята (то есть 250.— И. С.)»⁶. Что касается числа человеческих жертв, то летописи называют 1 700, 2 700 и 3 700 сгоревших⁷. Эти цифры свидетельствуют о катастрофическом характере «великого пожара», настоящего стихийного бедствия. Пожары 1547 г. внесли дезорганизацию в правительство и ещё более ухудшили и без того тяжёлое положение «чёрных людей».

Классовые противоречия достигли к тому времени большой остроты. «Сокращённый Новгородский летописец» очень верно характеризует обстановку в стране накануне московского восстания 1547 года. Отдав дань традиционному истолкованию «великого пожара» как проявлению «божьего гнева» «за умножение грехов наших», автор «Летописца» затем наполняет церковную формулу острым политическим содержанием, ярко показывая действия боярства в годы малолетства Ивана Грозного: «Наипаче же в царствующем граде Москве умножившася неправде и по всей Росии, от всмож, насилствующих к всему миру и неправу судящих, но по мзде, и дани тяжкые... понеже в то время царю великому князю Ивану Васильевичу уну суццу, князем же и бояром и всем властелем в бестрашии живущим»⁸. В насилиях князей и бояр и крылась основная причина июньского восстания. Оно явилось выражением стихийного возмущения народных масс боярским произволом.

Восстание вспыхнуло на пятый день после пожара, в воскресенье 26 июня 1547 года. В течение пяти дней, отделившихся от пожара, с одной стороны, нарастало возбуждение народных масс, с другой стороны, стремление политических кругов, враждебных группировке Глинских, использовать созданную пожаром обстановку для свержения Глинских. К сожалению, об обстановке в Москве между 21 и 26 июня источники дают очень общие и неопределённые сведения. Показателем роста на-

пряжения в Москве в эти дни может служить факт бегства из Москвы князя Михаила Глинского и его матери — княгини Анны Глинской. Причиной бегства явилось обвинение Глинских московскими «чёрными людьми» в том, что «великий пожар» 21 июня случился в результате колдовства Анны Глинской. Она якобы «з своими детьми и с людьми волховала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила и оттого Москва выгорела»⁹. «Царственная книга» заявляет, что «сие глаголаху черные люди того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людям насильство и грабеж»¹⁰.

В источниках не указана точная дата бегства Михаила и Анны Глинских. «Царственная книга» ограничивается неопределённым сообщением: «А князь Михайло Глинской тогда бяше и с материю на огосударском жалование на Ржеве»¹¹, из которого даже нельзя установить, были ли Михаил и Анна Глинские в момент пожара в Москве. Другой летописец, «Продолжение хронографа редакции 1512 г.», сообщив, что «после того пожару москвичи черные люди возволновалися, что будтося Москву зажигали Глинских люди», добавляет: «и от тое коромолы князь Михайло Глинской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем»¹². И это сообщение также не даёт возможности определить, когда именно Михаил Глинский оказался во Ржеве, откуда ему пришлось хорониться по монастырям.

Однако Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» прямо указывает, что «князь Михаил Глинский, который был всему злomu начальник, утеч» из Москвы, спасаясь от «великого возмущения всего народа»¹³, то есть относит момент бегства Михаила Глинского из Москвы ко времени после пожара 21 июня. К такому же заключению приводит и сообщение «Царственной книги» об обвинениях, которые бросали московские «чёрные люди» Юрию Глинскому: «а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала»; ясно, что Анна Глинская находилась в Москве во время пожара. «Царственная книга» утверждает: москвичи были убеждены, будто царь Иван, уехавший после пожара из Москвы в Воробьёво, «хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила»¹⁴. Это тоже свидетельствует о пребывании Глинских в Москве 21 июня.

Рассмотрение вопроса о бегстве Михаила и Анны Глинских очень важно. Оно позволяет с уверенностью отбросить схему «Царственной книги», тенденциозно изображающей московское восстание «чёрных лю-

⁵ См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 152—154 и стр. 454—455. Отмечу кстати, что данные о сгоревших дворах дают возможность составить представление об общей численности населения Москвы XVI века. Данные «Летописца» Никольского почему-то не были использованы составителем 1-го тома «Истории Москвы» (см. «История Москвы». Т. I. М. 1952, стр. 178).

⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 620.

⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 455; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 620; «Исторический архив». Т. VII, стр. 292.

⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 620.

⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² «Исторический архив» Т. VII, стр. 292.

¹³ «Сочинения князя Курбского». РИБ. Т. XXXI, стр. 168—169.

¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456—457.

дей» результатом интриг и провокации бояр, которые «по своей к Глинским недружбе наустиша черни»¹⁵. В действительности дело было не в провокации и интригах. Враждебные Глинским бояре лишь пытались использовать для сведения счетов со своими политическими противниками стихийное возмущение народа «насильством и грабежом» в отношении московских «чёрных людей» со стороны Глинских и их челяди. Именно «насильство и грабёж» превратили Глинских в глазах москвичей в поджигателей Москвы, именно это послужило основанием для обвинения Анны Глинской в колдовстве.

Версия «Царственной книги», искажая общий характер восстания, вместе с тем даёт необходимый материал для выяснения позиций политических группировок среди правящих кругов Москвы, для выяснения того, как реагировали правящие круги на ситуацию в Москве после пожара 21 июня 1547 года. О поведении бояр после великого пожара говорит в своём первом послании Курбскому Иван Грозный. Он обвиняет «изменных бояр» в том, что они «аки время благополучно своей изменной злобе уллучша, наустиша народ художайших умов, будто матери наша мать, княгиня Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердце человеческая выимали и таким чяродейством Москву попалили; да будто и мы тот совет ведали»¹⁶. Однако Иван Грозный отказывается назвать имена «изменных бояр» («их же имена волею премену») ¹⁷. Гораздо подробнее касается этого вопроса «Царственная книга». Она не только перечисляет бояр — противников Глинских, но и показывает, в чём выразилась действия бояр, направленные к свержению Глинских.

Первое выступление боярства против Глинских было уже на другой день после пожара¹⁸. «Царственная книга» сохранила чрезвычайно важное известие об инциденте, происшедшем на второй день после пожара у постели митрополита Макария в Новинском монастыре (туда митрополит был увезён, пострадав во время пожара), когда Макария приехал «навестати» царь с боярами. Именно здесь, по описанию «Царственной книги», «вражимим наветом начаша глаголати, яко възлхваннем сердца человеческия вымаше и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре; начаша же словеса сия глаголати духовник царя и великий князь протопоп Благовещенской Федор да боярин князь Федор Скопин Шуйской да Иван Петров

Федоров»¹⁹. Описание инцидента заканчивается сообщением, что «царь и великий князь велел того бояром сыскати»²⁰.

В этом рассказе «Царственной книги» всё важно: и время, и место, и состав участников, и, наконец, итоги того, что можно с полным основанием назвать чрезвычайным заседанием боярской думы. В самом деле, вряд ли приходится сомневаться, что приезд царя во временную резиденцию митрополита носил политический характер и никак не исчерпывался желанием Ивана IV узнать о состоянии здоровья Макария. Об этом свидетельствует прежде всего приезд вместе с царём в митрополитский Новинский монастырь и бояр. Об этом говорит и всё последующее развитие событий, завершившихся царским решением о сыске.

Учитывая огромную политическую роль Макария в правительстве молодого Ивана Грозного, можно с большой степенью вероятности считать, что Иван IV с боярами приехал к Макарию обсудить на заседании боярской думы с участием митрополита политическое положение в Москве после пожара. Именно на этом заседании протопоп Фёдор, а за ним ряд бояр выступили с обвинением Глинских в колдовстве и поджигательстве. Итог заседания — предписание царя боярам произвести сыск по поводу обвинений против Глинских — свидетельствует о том, что ни сам Иван IV, ни бояре не захотели (или не смогли) отбросить эти обвинения как несостоятельные и оскорбительные, особенно по адресу ближайших родственников царя. Это означало, что большинство участников заседания заняло по отношению к Глинским враждебную позицию, тем самым возложив на них политическую ответственность за события, нараставшие в Москве. «Царственная книга», говоря о заседании у Макария, называет по именам наряду с Фёдором Барминым лишь двух бояр: князя Фёдора Скопина-Шуйского и боярина И. П. Фёдорова. Однако состав враждебной Глинским группировки не исчерпывался этими лицами. И та же «Царственная книга», продолжая рассказ о восстании московских «чёрных людей», даёт другой, гораздо более полный перечень участников враждебной Глинским группировки.

Перечень следующий: «Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйский, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорий Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози»²¹. Особенно важно упомянутые имени Григория Юрьевича Захарьина, дяди Анастасии Романовны Захарьиной, жены Ивана Грозного. Упоминание говорит об активной роли Захарьиных в борьбе против Глинских. Несомненно, Г. Ю. Захарьин был участником заседания в монастыре, равно как не вызывает сомнения и его позиция на заседании. Отрицательному для Глинских исходу заседания боярской

¹⁵ Там же, стр. 456.

¹⁶ «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л. 1951, стр. 35.

¹⁷ Там же.

¹⁸ То есть 23 июня, так как «Царственная книга» самый день пожара не считает. Ср. «на пятый день после великого пожару» — 26 июня. Там же, стр. 453.

¹⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 455—456.

²⁰ Там же, стр. 456.

²¹ Там же.

думы, безусловно, в огромной мере способствовала позиция Макария. С. В. Бахрушин отмечал, что, «повидимому, какое-то отношение к делу (борьбы против Глинских. — И. С.) имел и митрополит Макарий»²².

Вывод С. В. Бахрушина вполне подтверждается анализом рассказа «Царственной книги». Правда, здесь непосредственно о Макарии ничего не говорится. Но, во-первых, самый факт участия митрополита на заседании означал санкционирование им решения о сыске, а во-вторых, и это самое главное, инициатива в обвинении Глинских исходила от такого приближённого к Макарию лица, как благовещенский протопоп Фёдор Бармин. (Из рассказа «Царственной книги» нельзя установить, каким образом Фёдор Бармин оказался на заседании: был ли он в монастыре или приехал с царём. Но в обоих случаях Бармин, несомненно, был политически связан с Макарием, был своего рода рупором митрополита, выразителем его мнений.)

Итак, судьба Глинских как временщиков и правителей государства была предрешена уже на второй день после «великого пожара». Однако падение их произошло совсем в иной форме и иным путём, чем это предполагали осуществить враждебные Глинским бояре.

Для изучения дальнейшей истории июньского восстания московских «чёрных людей» особенно важно рассмотреть обстоятельства, при которых произошло центральное событие восстания: убийство князя Юрия Глинского 26 июня 1547 г. и расправа восставших москвичей с людьми и слугами Глинских. «Царственная книга», в соответствии со своей схемой событий июня 1547 г., изображает убийство Юрия Глинского московскими «чёрными людьми» как прямой результат наущений бояр — противников Глинских. Мы читаем: «Того же месяца 26 день, в неделю, на пятый день после великого пожара, бояре приехали к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей начаша вопрошати: хто зажигал Москву. Они же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детьми и людьми вълховала: вымала сердца человеческия да клала в воду, да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела. А сие глаголаху чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людям насилиство и грабежи. Они же их (то есть бояре «чёрных людей»). — И. С.) от того (то есть от обвинений по адресу Глинских. — И. С.) не унимаху. А князь Михайло Глинский тогда бяше и с матерью на государском жалованье на Ржеве; а князь Юрьи Глинской тогда приеха туто же, и как услыша про мать и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же по своей к Глинским недружбе наустиша черни; они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его в церкви,

извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, иде же казнят»²³. Вслед за этим «Царственная книга» приводит цитированный выше перечень лиц, бывших «в совете сем», то есть в заговоре против Глинских.

Итак, если верить «Царственной книге», события развивались следующим образом. В воскресенье 26 июня бояре собрали московских «чёрных людей» на площади в Кремле, перед Успенским собором, и, во исполнение решения царя и боярской думы от 23 июня, начали сыск по вопросу о виновниках «великого пожара». Когда «чёрные люди», озлобленные против Глинских за их «насилиство и грабёж», стали обвинять в поджоге Москвы Анну Глинскую с детьми (в том числе и находившегося здесь же на площади Юрия Глинского), бояре не только не стали «унимать» «чёрных людей», но, напротив, «по своей к Глинским недружбе наустиша черни». Пытавшегося спастись от расправы Юрия Глинского, укрывшегося в Успенском соборе, толпа разыскала, убила там же в церкви, а труп вытащила и положила на площади «перед Торгом», на месте казни преступников.

Версии «Царственной книги», однако, противостоят рассказы о событиях 26 июня в «Кратком летописце» по списку Н. К. Никольского и в «Продолжении хронографа редакции 1512 года». К сожалению, текст «Летописца» Никольского дефектен. Приводим его целиком (в квадратных скобках — примечания издателей IV тома ПСРЛ): «На той же недели [далее на верхнем поле рукописи написана выноска в две строки, причем верхняя строка отрезана при переплете, а на нижней читается: в град ко двору к государеву] москвичи, большие [это слово написано позднее, под строкой] и черные люди, изымаша князя Юрья Михайловича (правильно: Васильевича. — И. С.) Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в Пречистой у митрополита в время обедни [далее было написано и затем зачёркнуто: перед великим князем], извлекше из церкви едва жива и скончаша злою смертию, извлекоша из града привязана ужем [слова: извлекше из церкви... ужем, приписаны писцом рукописи позже, на левом поле рукописи]; бе же князь великий в то время в Воробьева [слова: в Воробьева написаны позже над строкой, вместо зачёркнутых в строке: туто же в церкви]; потому што на них зговор пришло, бутось они велели зажигати Москву и сердечники о них же [слова: и сердечники о них же написаны позже над строкой], новрова приходу иноплемненных; бе же тогда пришло с многую силою царь Крымской и стоял в полях»²⁴.

²³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456. Предлагаемое понимание текста расходится с чтением С. Ф. Платонова, который слова «Они же их от того не унимаху» истолковывает в том смысле, что это Глинские не унимали своих людей от насилия в отношении «чёрных людей» (см. С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгг. 1923, стр. 42).

²⁴ ПСРЛ, т. IV, в. 3, стр. 620--621.

²² С. В. Бахрушин. Иван Грозный. Изд. 2-е. М. 1945, стр. 17.

Итак, перед нами первоначальный текст с последующей редакторской правкой того самого лица, которое составляло (или переписывало) основной текст (о том, что вся рукопись «Летописца» Никольского писана «той же рукой», см. Предисловие, стр. III). Редакционная правка частью уточняла рассказ, частью дополняла. Наиболее существенным было исправление ошибки первоначальной редакции в вопросе о местонахождении Ивана IV. К первоначальному тексту имеется ряд дополнений: о подробностях убийства Юрия Глинского; о том, что Глинские обвинялись не только в измене (как было в первоначальной редакции), но и в «сердечниках», то есть в колдовских действиях с человеческими сердцами. К сожалению, самое важное дополнение первоначального текста сохранилось не полностью, и из двух строк вставки уцелела только нижняя строка: «...в град ко двору к государеву».

Однако даже и в таком дефектном виде этот текст представляет исключительный интерес и ценность. В самом деле, если мы не можем восстановить точный текст срезанной при переплёте строки, то общий смысл фразы совершенно ясен: московские «чёрные люди» не были кем-то созданы в граде у государева двора, а сами пришли «в град ко двору к государеву», очевидно, с требованием выдачи на расправу Глинских, на которых «зговор пришол, бутгось они велели зажигати Москву». В соответствии с таким объяснением прихода московских «чёрных людей» в кремль меняется и место событий: им оказывается не площадь у Успенского собора, а площадь перед государевым двором, точнее, московские «чёрные люди» оказались на центральной, кремлёвской площади не потому, что здесь стоял Успенский собор, а потому, что на эту площадь выходил государев двор.

Такую интерпретацию текста «Летописца» Никольского полностью подтверждает рассказ «Продолжения хронографа редакции 1512 г.». Выше уже цитировалось начало этого рассказа. Приведём его целиком: «и после того пожару москвичи черные люди возволновалися, что будтоса Москву зажигали Глинские люди, и от тое коромолы князь Михайло Глинской с жалования со Ржовы хоронилея по монастырем, а москвичи черные люди собрався вецем, убили боярина князя Юрья Васильевича Глинского в Пречистой в соборной церкви на обедне на иже-херувимской песни. А царь и великий князь того лета жил с великою княгинею в Острове, а после пожару жил в Воробьеве»²⁵.

Первый вывод, который можно извлечь из приведенного текста: рассказ «Продолжения хронографа редакции 1512 г.» содержит, по сравнению с рассказом «Летописца» Никольского (а также и «Царственной книги»), данные о более раннем моменте восстания московских «чёрных людей», предшествовавшем приходу их в кремль, «к государеву двору». Речь идёт о вече, на которое собрались «возволновавшиеся» московские «чёр-

ные люди»²⁶. Вече, конечно, было созвано на территории вне кремля, то есть где-либо на посаде. Если теперь (с учётом топографии веча) связать рассказ «Продолжения хронографа редакции 1512 г.» с рассказом «Летописца» Никольского, мы сможем выяснить, откуда и каким образом московские «чёрные люди» попали «в град ко двору к государеву». Очевидно, решение о походе московских «чёрных людей» в кремль и было принято на вече.

Исследуя обстоятельства дня 26 июня необходимо остановиться на вопросе о времени появления московских «чёрных людей» на кремлёвской площади. Это поможет установить, какой характер носило собрание москвичей в кремле. Особенно важны здесь свидетельства «Летописца» Никольского и «Продолжения хронографа редакции 1512 г.». «Царственная книга» умалчивает о том, в какое время дня произошло убийство Юрия Глинского. Напротив, оба названных выше летописца точно определяют время расправы московских «чёрных людей» с Глинским, указывая, что он был убит в Успенском соборе «в время обедни», «на обедне, на иже-херувимской песни» (см. выше). (А «Царственная книга» лишь в общей форме сообщает о том, что Юрий Глинский, стремясь укрыться от московских «чёрных людей», «пошел в церковь в Пречистую» и что москвичи «взяше князя Юрия в церкви и убиша его в церкви».) Факт, что Юрия Глинского убили во время обедни, является дополнительным аргументом против версии «Царственной книги», будто московские «чёрные люди» были созданы боярами на площади перед Успенским собором для сыска виновников «великого пожара». Невозможно допустить, чтобы для опроса боярами населения Москвы было выбрано как раз время богослужения в церквах, в том числе и в Успенском соборе. Невозможность этого становится ещё более очевидной, если обратить внимание на одну деталь в сообщении «Летописца» Никольского: Юрий Глинский был убит «в церкве в Пречистой у митрополита в время обедне».

Как понимать слова «у митрополита»? Указывают ли они место, где происходила обедня, — «митрополичий Успенский собор» — или означают, что в Успенском соборе обедню 26 июня служил сам митрополит Макарий? Мне представляется правильным понимать слова «у митрополита» именно в последнем смысле. Во-первых, ни в «Лето-

²⁶ Этот капитальный факт был впервые установлен М. Н. Тихомировым, указавшим неизвестным издателям XXII тома Полного собрания русских летописей (с опубликованным текстом «Продолжения хронографа редакции 1512 г.») список «Продолжения хронографа редакции 1512 г.», дающий, в частности, правильное чтение текста о московском вече; в издании XXII тома ПСРЛ текст искажён: вместо «вечем» — «вечером», слово «вечером» искажает смысл, так как Юрий Глинский был убит «на обедне», то есть утром (см. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М. 1940, стр. 134 г 162).

писце» Никольского, ни в близком ему списке Дубровского 4-й Новгородской летописи Успенский собор никогда не называется «митрополичьим», а просто — «соборная церковь», или «соборная церковь большая», или «великая соборная церковь»²⁷. В пользу предлагаемого понимания слов «у митрополита» говорит самый контекст фразы. В первоначальной редакции она имела следующий вид: «в церкви в Пречистой у митрополита в време обедни, перед великим князем: бе же великий князь туто же в церкви». Иными словами, подчёркивается, что в церкви был не только митрополит, но и «великий князь», находившийся «туто же», где и митрополит. Эта первоначальная редакция, однако, как мы видели, была заменена новой, более точной по существу (так как Иван IV находился в Воробьёве, и в Успенском соборе его в это время не могло быть), но вместе с тем затруднившей понимание слов «у митрополита».

Если такое толкование текста признать правильным, оно дополняет картину событий дня 26 июня ещё одним важным фактом. Очевидно, торжественная церемония в Успенском соборе, совершаемая самим митрополитом, имела целью попытаться разрядить атмосферу в Москве, отвлечь московских «чёрных людей» от обсуждения политических вопросов. Иными словами, в обедне у митрополита можно видеть политический шаг, предпринятый для того, чтобы не допустить взрыва народного возмущения, — своеобразный противовес вечу московских «чёрных людей»²⁸.

²⁷ См. ПСРЛ, т. IV, в. 3, стр. 539, 542, 619.

²⁸ Возможность совершения Макарием богослужения в Успенском соборе не может быть опровергнута ссылкой на то, что во время пожара 21 июня Макарий, по рассказу «Царственной книги», когда его стали спускать с тайника в кремлёвской стене «на взруб к реке Москва» «разбился... и едва отдышал», «и отвезоша его в его монастырь на Новое еде жива» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 454). Судя по тому, что уже 23 июня, то есть на следующий день после падения, Макарий присутствовал на заседании боярской думы, ушибы его не были тяжёлыми, и за пять дней, к воскресенью 26 июня, Макарий мог оправиться настолько, чтобы принять участие в «обедне», особенно учитывая исключительную остроту политической обстановки. Следует отметить, однако, что обстоятельство убийства Юрия Глинского, описываемые Иваном Грозным в его послании Курбскому, как будто говорят против участия Макария в богослужении в Успенском соборе 26 июня. По словам Ивана Грозного, «народ... изымав его (Юрия Глинского.— И. С.), в пределе великомученика Дмитрия Селунского, выволокли, в соборной и апостольской церкви пречистыя богородицы, против митрополичья места, бесчеловечно дубища и кровию церковь наполнише» («Послания Ивана Грозного», стр. 35. Разрядка моя.— И. С.). Очевидно, упоминая о «митрополичьем месте», Иван Грозный

Однако приход московских «чёрных людей» на кремлёвскую площадь, «ко двору к государеву», свидетельствует о провале попытки отвлечь народ от политики. Восстание вспыхнуло. Властям необходимо было принимать новые срочные меры, чтобы направить стихийный гнев восставших народных масс по пути, наименее опасному для государства. Это-то и явилось целью, побудившей бояр выехать на площадь к восставшим «чёрным людям». То, что «Царственная книга» тенденциозно изображает как проведение «сыска» по повелению царя, принятому 23 июня на заседании боярской думы с участием митрополита Макария, в самом деле было умелым политическим ходом московских властей, дававшим им возможность воздействовать на народ. И боярам действительно удалось если не овладеть восставшими «чёрными людьми», то, во всяком случае, отвлечь непосредственную угрозу «государеву двору», которую таил в себе приход москвичей в кремль. Изображение «Царственной книгой» убийства Юрия Глинского как результата натравливания («наустиша») толпы боярами столь же тенденциозно, как и нарисованная «Царственной книгой» картина «сыска» на площади перед Успенским собором. В действительности Юрий Глинский был выдан боярами на расправу москвичам по требованию пришедших в кремль «чёрных людей».

Эта мера — выдача восставшим на расправу наиболее ненавистного им лица из числа представителей власти — неизменно применялась в Москве во всех городских восстаниях XVI—XVII вв. как политический мажёр: ценой принесения в жертву отдельных лиц сохранить в неприкосновенности устои крепостнического государства. В данном случае, выдавая Юрия Глинского на расправу «чёрным людям», бояре сразу достигали двойного эффекта: и отводили от крепостнического государства удар восставших городских низов и в то же время использовали восставшие массы в качестве орудия для устранения своих политических противников, какими являлись для Захарьиных и примыкавших к ним лиц Глинских.

Размах восстания, однако, был очень велик. Выдача Юрия Глинского оказалась недостаточна для того, чтобы погасить народный гнев. Поэтому убийство Юрия Глинского послужило сигналом к массовой расправе московских «чёрных людей» с «людьми Глинских» как непосредственными проводниками политики «насилствия и грабежа», а также к разгрому княжеского двора и захвату имущества Глинских²⁹. По свидетель-

не мог бы не сказать о Макарии, если бы митрополит находился в это время в Успенском соборе. Но если даже оставить открытым вопрос о личном участии Макария в «обедне» в Успенском соборе 26 июня, то общий характер и политическая цель церемонии от этого не меняются.

²⁹ В качестве своеобразной компенсации за разорение от пожара, виновником которого являлись (во всяком случае, в предствлении московских «чёрных людей»)

ству «Царственной книги», единственного источника сведений по данному вопросу, «чёрные люди» «людей княже Юрьевых бесчислено побиха и живот княже разграбиха». По неясным причинам, «много же и детей боярских незнакомых побиха из Северы, называючи их Глинского людми»³⁰.

Реальное содержание рассказа «Царственной книги» о расправах восставших москвичей с людьми Глинских (а также с детьми боярскими из Северских городов) говорит с очевидностью, что Москва в этот момент превратилась в арену вооружённой борьбы между «чёрными людьми», с одной стороны, и многочисленным населением дворов князей Глинских (к которым, повидимому, имели какое-то отношение и «дети боярские из Северы») — с другой. Из анализа рассказа «Царственной книги» о расправах москвичей с людьми Глинских также явствует, что Москва в эти дни фактически находилась во власти «чёрных людей» и правительством было бессильно подавить восстание. Этот момент, характеризующий положение в Москве после убийства Юрия Глинского, весьма важен. Без его учёта нельзя правильно понять такое событие, как поход московских «чёрных людей» в Воробьево 29 июня.

Поход москвичей в Воробьево заслуживает не менее пристального внимания, чем события воскресенья 26 июня. До опубликования «Летописца» Никольского источниками сведений о походе 29 июня являлся рассказ о нём в «Царственной книге» да упоминание в послании Ивана Грозного Курбскому. Оба источника, однако, касаются похода в Воробьево очень кратко и изображают его весьма тенденциозно. Рассказ «Царственной книги» гласит: «А после того убийства на третий день приходиха многие люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что будто государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила, и он бы их выдал им. Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити; они же мнози разбегоша по иным градам, видяше свою вину, яко безумием своим сие сотвориша»³¹. Иван Грозный изображает приход москвичей в Воробьево как результат изменнических действий боярства: «Нам же тогда живущим во своем селе Воробьево, и те изменники наустали были народ и нас убити за то, что будто мы князь Юрьеву мать княжну Анну и брата его князя Михаила у себя хороним от них»³². Совершенно иной характер носит рассказ «Летописца» Никольского: «В том же времени бысть смятение людем московским: поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и з сулицы, яко же к боеви обычай имяху, по кличу палача; князь же великий, того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и

обыскав, яко по повелению приидоша, и не учини им в том опалы и положи ту опалу на повелевших кликати»³³.

В отличие от «Царственной книги», ограничивающейся указанием на приход «черни» «скопом», и от послания Ивана Грозного, сводящего всё к действиям бояр-изменников, «Летописец» Никольского сообщает данные, проливающие свет на действительный характер похода «чёрных людей» в Воробьево. Самое важное из сообщения «Летописца» Никольского то, что «чёрные люди» пришли в Воробьево в полном походном снаряжении, вооружённые щитами и копиями (сулицами), пришли «по повелению», причем были оповещены о «повелении» «по кличу палача». На этой последней детали рассказа «Летописца» Никольского следует остановиться особо. «Палач» в Русском государстве XVI—XVII вв. был не только исполнителем судебных приговоров, но и лицом, доводившим до всеобщего сведения распоряжения властей, то есть «биричем». Прямое указание на это имеется в платёжной памяти, которую дал в 1659 г. «володимирский бирич и палач» Григорий Поликарпов в получении им «годовой своей подмоги у сошных людей»³⁴. Функция «бирича», очевидно, была в XVII в. не нововведением, а традицией ещё с XVI века. Второе, что характеризует фигуру палача в XVI—XVII вв., — это связь должности палача с земскими органами. Как отмечает Чичерин, «нанимать дьячка, палача и бирюча» являлось «повинностью земских людей»³⁵. Правда, ссылаясь на Уложение 1649 г., Чичерин исключает из этой характеристики Москву, указывая, что «палачи в Москве нанимались казноу, но в городах они были выборные от сошных людей и получали подмогу»³⁶. Уложение действительно особо выделяет «палачей на Москве», предписывая «в палачи на Москве прибрать из вольных людей, и быть им в палачах с поруками; а государеву им жалованье давать из государевы казны, из разбойного приказу»³⁷, в отличие от «городов», для которых Уложение сохраняет принцип: «палачей выбирать с посадов и с уездов с сох»³⁸. Но мне представляется, что такого рода выделение Москвы вряд ли имело место в XVI в., особенно в его первой половине, когда и губные органы на местах и сам Разбойный приказ только ещё конституировались. Гораздо вероятнее поэтому полагать, что в XVI в. должность московского палача была, как и во всех городах, выборной и носила «земский», а не «приказный» характер. В пользу такого предположения говорит и то, что Уложение 1649 г. сохра-

³³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 621.

³⁴ «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства». СПб. 1838, № 223/УП.

³⁵ Б. Н. Чичерин. Областные учреждения в России в XVII веке. М. 1856, стр. 486.

³⁶ Там же, стр. 469.

³⁷ Уложение 1649 г., гл. 21, ст. 96.

³⁸ Там же, ст. 97.

Глинские: «ркуше безумием своим яко «вашим» зажиганием двory наши и животы погореша» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 45—46).

³⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456.

³¹ Там же, стр. 456—457.

³² «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

няет для Москвы общий с «городами» принцип выборности для целовальников и тюремных сторожей, предписывая «в целовальниках и в сторожах у московских тюрем были московских черных сотен и слобод тяглым людем из подмоги... и выборы на них имати у сотенных людем за их руками»³⁹.

Возвращаясь к рассказу «Летописца» Никольского, можно признать вероятным, что палач-«бирич», кликавший сбор вооружённого ополчения московских «чёрных людей», действовал от имени и «по велению» земских органов Москвы. Если теперь сопоставить рассказ «Летописца» Никольского о сборе московских «чёрных людей» «по кличу палача» с рассказом «Продолжения хронографа» редакции 1512 г. о «вече» московских «чёрных людей», то нетрудно установить связь между этими двумя событиями. Призыв к оружию московских «чёрных людей» явился выражением воли московского посада — воли, может быть, вновь сформулированной на вече⁴⁰.

Какова была цель похода московских «чёрных людей» в Воробьёво? Материал источников чрезвычайно скуден и исчерпывается свидетельством «Царственной книги» (подтверждающимся соответствующим заявлением Ивана Грозного в послании Курбскому), что москвичи пришли в Воробьёво потребовать от царя выдачи на расправу Анны и Михаила Глинских. Московские «чёрные люди» были убеждены, «будто государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила»⁴¹. Нет оснований подвергать сомнению это свидетельство. Оно расценивает поход в Воробьёво как своего рода повторение похода «к двору государеву» в воскресенье 26 июня. Не обнаружив Ивана IV в его кремлёвском дворе и не получив в свои руки Глинских, «чёрные люди» снова пошли туда, где в это время находился царь.

То, что «чёрные люди» двинулись в Воробьёво в полном боевом снаряжении, говорит об их решимости добиваться силой удовлетворения своих требований. Кроме того «чёрные люди» должны были предвидеть, что против них применят оружие.

О происшедшем в Воробьёве источники дают две версии. «Царственная книга» пишет, будто царь ответил на требования «чёрных людей» о выдаче Глинских приказом расправиться с москвичами⁴². Совершенно иная версия «Летописца» Никольского. Согласно ей, царь наложил свою опалу лишь «на повелевших кликати»⁴³. Достовернее, безусловно, рассказ «Летописца» Никольского. В рассказе «Царственной книги» бросаются в глаза его тенденциозный характер, стремление автора, с одной стороны, представить в наиболее выгодном свете действия царя, показать его смелость и решительность, а с другой, — изобразить панику среди «чёрных людей» после того, как прошёл приступ «безумия» и они увидали «свою вину». При этом рассказ «Царственной книги» исходит из того, что в Воробьёво пришла толпа («чернь скопом»), с которой, конечно, можно было бы более или менее легко справиться; что в распоряжении правительства имелись силы, способные одолеть «чернь». В действительности же в Воробьёво пришла не толпа, а вооружённое ополчение московских «чёрных людей», поэтому выполнить царский приказ (в версии «Царственной книги») — «имати и казнити» москвичей — было делом сложным даже и в том случае, если бы у царя в Воробьёве были сосредоточены крупные силы. Но именно последнее представляется весьма сомнительным: при наличии у Ивана IV войска он, конечно, бросил бы его на подавление мятежа в Москве, чтобы не допустить разгрома «чёрными людьми» дворов и людей Глинских. Этого, как известно, сделано не было.

Гораздо правдоподобнее описывает поход «чёрных людей» в Воробьёво «Летописец» Никольского, подчёркивающий момент неожиданности для царя прихода «чёрных людей» («князь же великий того не ведал») и отмечающий страх и растерянность («удивися и ужасеса») царя в связи с приходом в Воробьёво «множества людей». Такая обстановка исключала для царя возможность отдать приказ, о котором говорит «Царственная книга». Напротив, действия царя, по рассказу «Летописца» Никольского, вполне вытекали из обстоятельств момента. «Летописец» говорит, что, когда «чёрные люди» пришли в Воробьёво, царь «сбывскав, яко по повелению приидша и не учини им в том спалы», следовательно, Иван IV (лично или через своих бояр) должен был пойти на какие-то переговоры с «чёрными людьми», выслушать их требования (подобно тому, как это было, например, в 1662 г., во время прихода москвичей в село Коломенское к царю Алексею). Как подчёркивает «Летописец» Никольского, царь «не поло-

³⁹ Там же, глава 21, ст. 95. Следует в этой связи обратить внимание на редакцию ст. 97, гл. 21, определяющей порядок выбора палачей в городах. Установив, что «в городе тюрьмы строити и целовальников и подъячих, и тюремных сторожей и палачей выбиратьи...» ст. 97 в дальнейшем изложении говорит лишь о целовальниках и сторожах: «а быти тем целовальником и сторожем с подмогско же...; а выборы на целовальников и на тюремных сторожей у выборных людей имати...» Это указывает на однотипность должностей целовальников, сторожей и палачей, делая вероятным, что до введения (Уложением 1649 г.) в Москве наёмных палачей они были, как и целовальники и сторожа, выборными из состава посадского населения.

⁴⁰ Вряд ли можно «веление», о котором говорит «Летописец» Никольского, истолковать как повеление «бояр». Ибо нельзя допустить, чтобы в условиях бушевавшей в Москве борьбы «чёрных людей», нашедшей своё выражение в событиях 26 июня и последующих дней, бояре могли призывать ко всеобщему вооружению городских низов.

⁴¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456—457. Ср. «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

⁴² См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 457.

⁴³ См. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 621.

жи опалы» на пришедших москвичей, «а положи ту опалу на повелевших кликати».

Все эти данные, содержащиеся в рассказе «Летописца» Никольского, свидетельствуют о том, что Иван IV и его правительство, лишённые возможности подавить мятеж силой, вынуждены были применить тактику маневрирования, чтобы таким путём не допустить повторения в Воробьёве московских событий. Царь и бояре сумели легко доказать невозможность удовлетворения основного требования «чёрных людей» — выдачи Глинских, — так как ни Анны, ни Михаила Глинских в Воробьёве не было, что вместе с тем делало беспредметным приход москвичей в Воробьёво. Единственное, чего, повидимому, удалось добиться «чёрным людям» в Воробьёве, — это обещания произвести «сыск» (как можно заключить из выражения «Летописца» Никольского: «обыскав»). Последнее, конечно, ни к чему не обязывало царя и ничего не давало восставшим.

Так можно представить себе то, что происходило в Воробьёве во время прихода туда «чёрных людей». Повидимому, нельзя принять и сообщение «Царственной книги», что преследуемые царскими войсками «чёрные люди» из Воробьёва «разбегошася по иным градом». Подчёркнутое «Летописцем» Никольского указание, что царь не положил опалы на «чёрных людей», заставляет думать, что «чёрные люди» беспрепятственно вернулись в Москву⁴⁴.

⁴⁴ Иначе изображает дело С. В. Бахрушин: «Черных людей разогнали, а зачинщики были схвачены и казнены. Однако произвести широкое следствие власти, повидимому, не решились» (С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1. М., 1952, стр. 207). Нетрудно видеть, что С. В. Бахрушин сводит в одно две версии: «Царственной книги» и «Летописца» Никольского. Но версия «Царственной книги» искажает картину событий в Воробьёве, поэтому нельзя объединять данные «Царственной книги» с данными «Летописца» Никольского. Нужно попутно заметить, что указание «Летописца» Никольского, будто царь, отпустив беспрепятственно («не положи опалы») из Во-

Будучи стихийным взрывом борьбы социальных низов Русского государства против феодального произвола бояр-правителей, московское восстание 1547 г. не имело, повидимому, никакой сколько-нибудь выраженной политической программы. Единственное требование восставших москвичей, о котором упоминают источники, — это требование расправы с Глинскими, олицетворяемыми в глазах народных масс все отрицательные стороны «боярского правления».

Стихийный характер восстания 1547 г. объясняет и его результаты. Основным результатом июньского восстания московских «чёрных людей» явилось падение Глинских⁴⁵, сметённых народным гневом. Однако политические выгоды из факта падения Глинских извлекли не сами массы, в положении которых не произошло никаких перемен, а политические противники Глинских, враждебная им группировка. Руководители этой группировки, опиравшейся на дворянство и посад, — Макарий, Захарыны, Адашев, Сильвестр — образуют фактическое правительство, политика которого находит своё выражение в реформах 50-х годов.

робьёва «чёрных людей», вместе с тем «положил ту опалу на повелевших кликати», отражает, повидимому, более поздний момент — уже после событий в Воробьёве.

⁴⁵ Внешним выражением падения Глинских было лишение Михаила Глинского звания конюшего (ДРВ, ч. XX, стр. 34: «Отставлен боярин и конюший князь Михайло Васильевич Глинский» (под 1547 годом). Повидимому, Михаил Глинский пытался бороться за удержание своих позиций в окружении Ивана IV. Во всяком случае, в разрядной росписи от июля 1547 г. о походе Ивана IV на Коломну на первом месте среди бояр «с Москвы», сопровождавших царя, значится М. В. Глинский («Древнейшая разрядная книга». М., 1902, стр. 123). Однако все эти попытки остались тщетными, и в ноябре того же 1547 г. Михаил Глинский вынужден спасаться бегством (неудачным!) в Литву, объясняя свой «бег» (на сыске в Москве после поимки его воеводами Ивана IV) «страхом князя Юрьева убийства Глинского» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 457).